

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

МОЙ МУЖИК

ТАЙГА
НА ДВОИХ

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова**

Мой мужик. Тайга на двоих

<https://litres.ru/74554228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она сбежала из Москвы от предательства — и оказалась в ледяной реке на краю тайги. Он, суровый таёжный богатырь, вырвал её из водоворота и подарил убежище. Но тихая жизнь обернётся войной: браконьеры, криминальный авторитет, буран и схватка за вековой кедр. Елизавета — управляющая отелем, Родион — егерь. Вместе они построят дом, спасут лес и найдут любовь, ради которой стоит рискнуть всем. «Мой мужик. Тайга на двоих» — горячая история о силе, нежности и настоящем хозяине земли.

Содержание

Глава 1. Ледяной брод	5
Глава 2. Хозяйский рубеж	15
Глава 3. Мозолистый колун	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Шнайдер

Мой мужик. Тайга на двоих

Мой мужик. Тайга на двоих

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Ледяной брод

Дворники метались по стеклу с надсадным резиновым визгом, но мутная стена октябрьского ливня сминала их усилия в сплошное водяное крошево. Фары моего городского кроссовера «Porsche Cayenne» упирались в клубящийся белесый пар, выхватывая из плотной таёжной тьмы лишь корявые лапы лиственниц да размытые глинистые ухабы. Стрелка навигатора упиралась в белое безмолвное пятно с пометкой «Тайжанка, брод» — впереди лежали сотни верст нетронутых кедровых дебрей, где безраздельно властвовали мороз, глухая тьма и ревущая горная вода.

Именно туда, в глухой угол Восточных Саян, я бежала из Москвы три дня, останавливаясь только переночевать. После того как мой жених и управляющий партнер Вадим Орлов цинично присвоил наш общий флагманский бутик-отель, переоформив активы за моей спиной и втоптав в грязь пять лет доверия, тайга казалась мне единственным спасением. Я бежала от удушающего столичного лицемерия, от черного нервного истощения и фальшивых улыбок — туда, где можно было выдохнуть, переждать душевную бурю и попытаться заново собрать разбитую вдребезги веру в людей.

Колеса мягко сошли с размокшей глины на каменистую косу. Перед капотом вспухал черный, вспененный гребнями поток горной реки. Вода неслась с оглушительным ревом то-

варного состава, с грохотом ворочая на перекатах полутонные голыши. Сжав кожаную оплетку руля до побелевших суставов, я глубоко выдохнула и плавно нажала педаль газа. Кроссовер качнулся, рассекая передним бампером ледяную стремнину. Первые десять метров дно держало: под колесами сухо похрустывала крупная галька, вода доходила лишь до середины колесных дисков.

Но на середине русла река показала свой дикий нрав. Мутный вал внезапно вздыбился перед решеткой радиатора, взметнулся на капот и с пушечным грохотом обрушился в лобовое стекло. В ту же секунду левое переднее колесо с лязгом провалилось в невидимую паводковую яму, а днище со скрежетом осело на скрытый под водой гранитный валун.

— Вытягивай, милый, давай же! — вслух крикнула я, вдавливая акселератор в пол.

Электроника попыталась перебросить крутящий момент, турбина взвыла, но подмытый галечник под колесами превратился в зыбучую кашу. В воздухозаборник с жадным, чавкающим всхлипом затянуло ледяную жижу. Металл внутри капота жалобно взвизгнул, раздался резкий удар в двигателе — гидроудар. Двигатель мгновенно заглох, приборная панель моргнула гирляндой аварийных огней и погасла. В салоне повисла мертвая, зловещая тишина, нарушаемая лишь глухими, тяжелыми ударами речной волны о левый борт.

Я навалилась плечом на тяжелую водительскую дверь, пытаясь распахнуть ее и встать на порог, но напор встречно-

го течения снаружи прижал металл с силой гидравлического прессы. Пальцы судорожно забарабанили по клавишам стеклоподъемников, но залитый блок предохранителей уже закоротило: в воздухе запахло паленой изоляцией, а из нижних дефлекторов прямо на мои замшевые ботильоны хлынула обжигающе ледяная черная вода. Паника ледяным обручем сдавила горло, но пятилетний опыт кризисного управления в отельном бизнесе сработал быстрее страха: потерять самообладание в закрытом салоне означало верную смерть.

Перебравшись на задний диван, под которым уже плескалась муть, я вытащила из дверного кармана стальной аварийный молоток-стеклобой. Упершись лопатками в сиденье, я со всей силы всадила граненый конический боек точно в угол панорамного стеклянного люка.

Закаленное стекло лопнуло с сухим хлопком, мгновенно покрывшись сеткой мелких трещин. Зажав зубами ворот куртки от осколков, я обеими подошвами выбила остатки стекла наружу. В образовавшийся проем хлынул шквал морозного ливня. Подтянувшись на руках, я вытолкнула на крышу герметичный кейс с ноутбуком и рабочими архивами, а затем протиснулась сама на мокрый, мелко вибрирующий металл.

Лежа на покатой крыше и судорожно цепляясь за стальной рейлинг, я выхватила из кармана смартфон. Экран равнодушно мигнул: «Нет сети. Только экстренные вызовы». Пальцы окоченели до полной потери чувствительности,

превратившись в негнущиеся деревяшки. Пытаясь набрать «112», я перехватила трубку зубами за силиконовый чехол, чтобы освободить руку и покрепче взяться за поручень. В этот миг тяжелая боковая волна сотрясла кроссовер; челюсть свело судорогой, телефон сорвался, чиркнул о стекло и канул в бурлящий перекат. Телефон исчез под водой.

Поток начал стаскивать с крыши гермокейс с автономными аккумуляторами и жесткими дисками, где хранились все финансовые модели и документы о присвоении Вадимом нашего отеля. Рискуя сорваться, я перегнулась через край крыши, подцепила ремень кейса предплечьем на излом и намертво прижала его к металлу всем весом тела, заклинив щиколотку за рейлинг. Очередная волна окатила меня с головой. Пуховик набряк ледяной водой, превратившись в пудовый свинцовый груз, а холод вонзился в легкие тысячей раскаленных игл.

Я наивно надеялась продержаться на крыше до рассвета, рассчитывая, что тяжелая двухтонная машина мертво закинута между валунами. Река рвала берег у самой машины. Бешеный паводок с глухим шелестом подмыл донную подушку. Двухтонную махину сорвало с мели, развернуло поперек потока и с диким металлическим скрежетом поволокло вниз — к гранитному утесу, под которым чернел глубокий трехметровый омут с ревушей воронкой. Когда нос кроссовера начал вертикально заваливаться в водоворот, я увидела над собой толстый сук вековой прибрежной ивы. Я зацепила ремень

гермокейса за рейлинг, чтобы освободить руки. Оттолкнувшись от уходящего под воду кузова, я в отчаянном прыжке выбросила руки вверх.

Пальцы намертво впились в мокрую шершавую кору. Автомобиль с глухим бульканьем погрузился в пучину по самые стекла, а я повисла над ревущим водоворотом на высоте двух метров. Мышцы спины свело жестокой судорогой; намокшая одежда неумолимо тянула вниз. Я подтянулась, перекинула предплечья через ветку и прижалась мокрой щекой к холодной древесине, заставляя себя считать каждый удар сердца. Сук у комля сухо и отчетливо затрещал.

В этот миг сквозь пелену ливня на противоположном берегу вырос массивный темный силуэт. Всадник на исполинском коне вынырнул из кедрача. Кричать было бесполезно — рев переката напрочь глушил сорванный женский голос. Задышавшись, я подцепила подбородком висевший на шее металлический свисток «Fox-40» и выдула над рекой пронзительную дробь морзянки: три коротких, три длинных, три коротких.

Резкий, стеклянный свист пробил гул воды. Всадник вскинул голову. Огромный вороной тяжеловоз встал на дыбы, и мужчина направил коня прямо с обрыва в ревущую пучину переката.

Я удерживалась на ветке, следя за каждым шагом коня.

Вороной гигант взрезал кипящий прибор широкой мускулистой грудью. Стрежнина с яростным ревом ударила жереб-

цу в бок, струи воды захлестнули круп, под копытами заходили круглые скользкие валуны. Конь испуганно всхрапнул, но всадник железной хваткой натянул поводья, вдавил колени в конские бока и гортанно рявкнул сквозь грохот:

— Держи, Громушка! Держи, родимый! На перекате стой!

Голос человека был подобен удару дубового бруса. Конь замер живым волнорезом посреди потока, оперевшись копытами в подводную каменную гряду прямо под моей ивой. Всадник ошеломлял своими масштабами: двухметровый широкоплечий богатырь в расстегнутом брезентовом плаще поверх грубого шерстяного свитера, с тяжелой челюстью, резкими скулами и пронзительными серо-стальными глазами, смотревшими на бушующую стихию с ледяным спокойствием таёжного охотника. Он привстал в стременах во весь свой исполинский рост и вскинул вверх тяжелые руки:

— Бросай ветку, девка! Падай ко мне, держу!

Я разжала онемевшие пальцы, но в ту же секунду подгнивший узел ивы надломился с сухим ружейным выстрелом. Меня крутануло в воздухе, швырнув мимо седла прямо в пенный водоворот. Мужчина среагировал мгновенно, с нечеловеческой звериной реакцией: выдернув сапоги из стремян, он метнулся грудью через луку седла и у самой поверхности воды железными клещами пальцев перехватил меня за пояс куртки. Напор течения сдернул его следом, и мы оба оказались по грудь в ледяной стремнине.

Незнакомец удерживал повод коня левой рукой, а правой

держал меня на плаву, напрягая жилы до белизны. Вода набила пуховик, тяжелые рукава сковали движения и тянули меня вниз.

— Режь куртку! — выдохнула я, захлебываясь пеной.

Он прижал меня к боку коня, опираясь на седло, свободной рукой выдернул нож и вспорол рукав пуховика. Я выскользнула из него, и течение унесло тяжелую ткань. Напрягши широкую спину, богатырь единым рывком буквально выбросил меня из воды, взвалив поперек мускулистой спины жеребца.

Я вцепилась пальцами в конскую гриву, но очередной паводковый вал сорвал со скалы мой затопленный кроссовер. Двухтонная стальная туша неслась прямо на нас, грозя раздробить задние ноги жеребцу и расплющить егеря о камни.

— Гром, на берег! — заорал мужчина, но конь замешкался на скользких донных плитах.

Незнакомец ударил ладонью по крупу Грома, отправляя его на отмель, а сам отступил к валунам. Кроссовер застрял между ними в нескольких шагах от коня. Мужчина ухватился за рейлинг, пытаясь выбраться на камни, пока жеребец подо мной вытягивал ноги из потока.

Машина со скрежетом перевалилась через валуны и замерла на боку ниже по течению. Конь спасся, но под ногами мужчины треснула и осыпалась подмытая каменная плита. Донная воронка жадно увлекла обессиленного богатыря за собой. Он ушел под воду с головой, вынырнул, скребя ног-

тями по осклизлым камням, но силы оставили человека — его затягивало обратно в омут.

Шок слетел с меня мгновенно. Перегнувшись с седла, я увидела притороченный сыромятный аркан. Яхтенная сноровка сработала рефлекторно: сдернув ремешок, я расправила широкую петлю и точным хлестким броском послала лассо прямо в пенный бурун над головой мужчины.

Петля легла на плечо. Мужчина просунул в нее вторую руку и затянул под мышками.

— Держи! — закричала я во все горло, захлестывая свободный конец за массивный рог седла. — Гром, пошел! Вперед, в гору!

Тяжеловоз рванул вверх по каменистому откосу. Натянута сыромять со звоном вырвала богатыря из водоворота и выбросила на мокрую прибрежную траву. Мужчина перекатился на спину, жадно глотая воздух широкой, тяжело вздымающейся грудью. Я сползла с седла на подгибающихся ногах и упала на колени рядом с ним:

— Ты... ты живой?

Он медленно повернул голову, разглядывая меня с потемневшим от немого изумления взглядом, и скупое усмехнулся в мокрую бороду:

— Живой, девка. Родион Тарасов. Ловко ты арканом орудуешь. Где такой сноровке учат? В столицах?

— Елизавета Андреевна Воронова... Лиза. На яхтах, на водохранилище учили, — пробормотала я, стуча зубами от

ледяной дрожи.

Родион с трудом выпрямился, перевел дыхание и оглянулся на торчащий из реки остов машины:

— Добро бросать не след. К утру завьяловские шакалы колеса скрутят, а железо река разобьет.

Он укрыл меня сухим тулупом из седельной сумки и поднялся к опушке леса, где оставил на время работы гусеничный трелевочник ТДТ-55. Барабан лебедки заклинило намерзшей глиной, но тремя сокрушительными ударами пудовой кувалды Родион расколол мерзлый ком, завел толстый стальной трос за силовой крюк кроссовера и запустил дизель. Лебедка взвыла басовитым гулом, и изуродованный «Порше» с хрустом вывалился из стремнины на твердую почву лесной дороги.

Родион снял с рейлинга уцелевший кейс и положил его к седлу. Я попыталась сделать шаг к машине, но смертельный холод сковал сосуды, колени подломились, и я начала оседать в черную пустоту. Две огромные горячие руки подхватили меня под спину, поднимая как пушинку. Он плотнее запахнул на мне тулуп, пахнувший кедровым дымом и кожей.

— Молчи, Лизавета. Дыши носом, — раздался над ухом низкий голос Родиона; он усадил меня в седло, прижав к своей горячей груди. — Не дам замерзнуть. Держись за меня.

Я уткнулась лбом в его грудь, слушая размеренные удары сердца, и вцепилась в жесткий свитер.

Впереди между стволами зажелтело окно. У крыльца Ро-

дион спешился и снял меня с седла.

Глава 2. Хозяйский рубеж

Родион плечом толкнул дверь зимовника, продолжая нести меня под тулупом.

Зимовник встретил нас сухим жаром натопленной кирпичной печи и густым дурманом смолистых кедровых бревен, подсыхающих трав и сушеных белых грибов. Родион внес меня в горницу, бережно опустил на широкую липовую скамью у печного бока и сбросил мокрый брезентовый плащ:

— Раздевайся донага. Мокрое — на шест над шестком. Иначе к утру воспаление легких скрутит, в тайге с этим не шутят.

Я сжалась в комок, судорожно вцепившись пальцами в ворот сырого свитера. Стыд обжег щеки перед незнакомым лесным гигантом. Родион мгновенно уловил мое напряжение, покачал головой и отгородил угол полотном сурового льняного холста. Сверху через край перекладки перекинул просторную мужскую рубаху из мягкой клетчатой фланели:

— Накинь, чистая. А я в сени выйду, воды на чай принесу.

Оставшись одна в мягком полумраке за ширмой, я торопливо стянула ледяные, прилипшие к телу вещи и нырнула в теплую фланель. Рубаха была огромной — плечи свисали почти до локтей, а подол закрывал колени, но ткань была сухой, мягкой и пахла кедровой смолой, свежим сеном и морозным ветром. Я села на лавку, пытаюсь растереть побелев-

шие, онемевшие пальцы ног.

В этот миг из полутьмы сеней бесшумно выскользнула серая тень. Крупная западносибирская лайка с острой волчьей мордой и умными янтарными глазами подошла вплотную и глухо, утробно зарычала, обнажив белоснежные клыки.

Дверь скрипнула, вошел Родион с пустым ведром:

— Соболь, отставить! Своя это. Ложись.

Пес мгновенно подобрал оскал, подошел ближе и ткнулся влажным носом в мою ладонь, а затем улегся на дощатый пол, прижавшись теплым пушистым боком прямо к моим босым ступням. Родион достал из берестяного туеска банку с золотистой мазью и опустился на колени передо мной:

— Ноги давай.

Его широкие ладони обхватили мою ледяную щиколотку. Зачерпнув мазь, пахнущую барсучьим жиром и терпкой кедровой живицей, он принялся сильно и удивительно бережно растирать пальцы и свод стопы. Его руки были жесткими, мозолистыми, но касались кожи с поразительной деликатностью. Обжигающее тепло побежало по жилам, прогоняя мучительный холод.

— Чайник пуст, — поднялся он, закончив со второй ногой и укутав мои ступни шерстяным платком. — На колодце ворот прихватило, сейчас расколю.

Он обул сапоги, накинул тулуп и вышел на крыльцо. Я слышала, как он сколол лед у ворота, а затем принес ведро колодезной воды. Вскоре на железной плите гудел мед-

ный чайник. Родион заварил в глиняном кувшине кожистые листья саянского бадана, сушеную лесную малину и чабрец. Горницу заволокло густым травяным ароматом.

— Пей мелкими глотками, — протянул он мне горячую глиняную кружку. — Взвар кровь чистит и всякую хворь из нутра выжигает.

Напиток с легкой вяжущей горчинкой разлился огненной волной по телу. Родион сел напротив на табурет, подперев подбородок тяжелым кулаком:

— А теперь рассказывай, Лизавета Андреевна. Что столичную птицу в наши дебри занесло в такую распутицу?

Он подвинул ко мне кружку, дождался, пока я перестану стучать зубами, и посмотрел в лицо. Я заговорила, сначала отрывисто, потом всё быстрее. Я рассказала ему всё: о пяти годах каторжного труда генеральным управляющим столичного бутик-отеля, о давней мечте создать чистый заповедный эко-курорт в Саянах, о женихе Вадиме Орлове, который подлю присвоил наш общий бизнес, оформив доли на подставных лиц и растоптав верность, и о моем бегстве в сибирскую тайгу — подальше от лжи, чтобы спасти душу и начать все с чистого листа.

Родион слушал молча, лишь желваки ходили на скулах:

— Знакомая песня. Подлость везде одного цвета — что в столицах ваших, что здесь.

— А ты? Почему один в такой глуши? — тихо спросила я, осмелившись взглянуть ему в лицо.

Черты богатыря ожесточились. Он перевел тяжелый взгляд на бревенчатую стену, где под старым зеркалом на кованом гвозде висел круглый резной кедровый медальон с изображением парящего сокола:

— Была семья. Марина звали... Через год взвыла, что не хочет в берлоге жить, забрала артельные деньги за три года заготовки пушнины и сбежала со скупщиком кедрового ореха. А три года назад отца не стало. Степан Тарасов, егерем был. Всю тайгу здешнюю от браконьеров берег. Урочище Медвежий Лог приглянулось Завьялову — местному криминальному бугру. Отец пошел к ним на делянку с протоколом, а ночью балок подожгли. Сказали — угарный газ, но я знаю: пуля там была. Не простил я им отца. И землю не отдам, пока руки топор держат.

Сердце болезненно сжалось. Я протянула руку через стол и накрыла своими пальцами его тяжелый кулак:

— Тайга не делает человека грубым, Родион. Она выживает фальшь. Твой отец гордился бы тобой. Я это знаю.

Богатырь вздрогнул, медленно поднял глаза. Между нами пробежала тугая, жаркая искра, от которой перехватило дыхание. Многолетний лед в его взгляде растаял.

Он осторожно высвободил руку и кивнул на спасенный гермокейс:

— Твой скарб. Молнию песком забило.

Смочив ветошь спиртом, Родион промыл зубья замка, подправил бегунок ножом и открыл молнию. Ноутбук и на-

копители были сухими. Я нажала кнопку питания — экран вспыхнул:

— Работает! Все расчеты и чертежи целы!

— Вот и ладно, — Родион погасил керосиновую лампу, оставив лишь мерцающие угли в печи. — Ложись спать.

Я попыталась пристроиться на узкой лавке, но ушибленные ребра отозвались резкой болью. Родион поднял меня на руки и бережно перенес на широкие кедровые полаты над печью, укрыв мягкой медвежьей шкурой:

— Спи здесь. Кости отойдут. В этой избе тебя никто не тронет.

Сам он лег на полу у порога, положив голову на седло рядом с Соболем. Уткнувшись в шелковистый мех, я слушала метель за бревнами и впервые за долгие месяцы заснула в абсолютной безопасности.

Печь согревала меня всю ночь; утром я смогла встать сама.

Утреннее солнце залило зимовник ослепительным золотом. Мороз выткал на стекле затейливые папоротниковые узоры, а за стенами стояла первозданная, звенящая морозная тишина, какая бывает только после сибирского бурана. Сбросив медвежью шкуру, я натянула просохшие джинсы, свитер, заплела косу и толкнула входную дверь.

Воздух в двадцать градусов обжег ноздри чистейшим хвойным воздухом. Усадьба «Кедровый плёс» располагалась на высоком мысу над зеркальным озером Глубокое, окру-

женном полукольцом Саянских хребтов в реликтовом кедрраче. Передо мной раскинулся монументальный архитектурный ансамбль из вековых кедровых бревен ручной рубки: баня у воды, конюшни, мастерские и мощный фундамент под будущий Большой Терем. Профессиональный взгляд отеляера оценил потенциал: это была готовая основа для премиального эко-курорта национального уровня.

Из мастерской донесся металлический лязг. Под навесом мой изувеченный «Порше» стоял на чурбаках. Родион, обнаженный до пояса на утреннем морозце, выкручивал свечи зажигания длинным ключом. Мышцы его спины бугрились под бронзовой кожей, блестевшей от капель пота.

— Доброе утро, мастер, — сказала я.

Он обернулся, вытер руки ветошью и поднес ко мне выкрученную свечу: на резьбе белела эмульсия вперемешку с мелким речным песком:

— В цилиндрах вода, масло взбито в пену. Проверю, уцелели ли шатуны. Проводку сушить, стартер перебирать. Меньше недели на разборку, промывку и сушку не уйдет. Машина на приколе.

Вместо страха во мне разлилось странное облегчение. Неделя здесь, рядом с ним.

— Я обязана заплатить за ремонт и за вчерашнее спасение, — я протянула ему пачку пятидесятирублевых купюр. — Здесь двести тысяч.

Лицо Родиона мгновенно окаменело. Стальные глаза по-

темнели от глубокой мужской обиды:

— У нас в Саянах за спасение души денег не берут, Лизавета. Спрячь бумажки. Здесь тебе не московский базар.

Слова хлестнули стыдом.

— Прости, Родион, — искренне выдохнула я. — Дурацкая столичная привычка откупаться от всего деньгами. Я не хотела тебя задеть.

Взгляд его смягчился:

— Забыли. Пойдем, с дедом Матвеем познакомлю.

У сарая старик в овчинной безрукавке правил лезвие топора на тяжелом круглом наждаке с приводом.

— Здорово, Матвей Лукич, — окликнул Родион. — Вот, гостя у нас, Лизавета Андреевна.

Старик скептически сплюнул в опилки:

— Слыхал ночной шум. Опять городские белоручки... Занозит палец — вой на три версты пойдет.

Я подошла, взялась за деревянную ручку привода и с силой провернула тяжелый каменный круг:

— Давай лезвие, дед. Держи тридцать градусов, я крутить буду.

Старик крикнул от удивления, но топор прижал. С камня потекла серая вода. Я крутила вал, а Матвей то и дело смачивал его. Закончив, он провел ногтем по кромке и одобрительно цокнул:

— Хватка правильная. Не из робких.

Он распахнул створку сарая, и я увидела деревянные ука-

затели эко-троп, изрешеченные крупной свинцовой картечью, и надувные лодки с распоротыми ножами бортами.

— Завьяловские шакалят, — пояснил Родион. — Записку бросили: «Убирайтесь, урочище под сплошную рубку пойдет». Хотят инвесторов распугать, меня разорить и кедрач под корень пустить.

Во мне вспыхнула холодная спортивная ярость кризисного управляющего. Бросить эту землю и этого человека бандитам? Никогда.

— Родион, сюда, — позвала я, садясь за стол на веранде и открывая планшет. — Ты защищаешь землю, а они пользуются связями в лесхозе. Но у меня есть оружие сильнее.

Пальцы забегали по экрану:

— Урочище Медвежий Лог — водоохранная зона озера. Рубка здесь — статья двести шестидесятая УК РФ, особо крупный размер в составе ОПГ. Сначала зафиксируем незаконную рубку и подадим заявление в природоохранную прокуратуру. Параллельно подготовим проект охраны урочища и туристического центра. Здесь нужны проверка и доказательства, а я умею собирать и то и другое.

Мужчины замерли, глядя на схемы и расчеты.

— Сама всё составила? — хрипло спросил Родион.

— Это моя профессия. Ты умеешь строить и защищать землю. Я умею управлять, привлекать миллионные инвестиции и выжигать врагов законом. Равноправное партнерство пятьдесят на пятьдесят. Ты хозяин земли и главный строи-

тель, я — управляющий директор и совладелец. Мы достроим Большой Терем, запустим курорт и спасем тайгу.

Родион пристально взгляделся в мое лицо:

— Бумага терпит всё, Лизавета. А в тайге надо спину гнуть от зари до зари.

Я протянула ему открытую ладонь:

— Проверь меня в деле. Дай самую тяжелую работу. Если сломаюсь или заплачу — завтра же выставишь меня на трасу с чемоданом. Но я не сломаюсь. По рукам?

Богатырь посмотрел на мою узкую руку, и его лицо озадачила обезоруживающе теплая улыбка. Он сжал мои пальцы своей мозолистой ладонью с железной силой:

— По рукам, Лизавета Андреевна. Быть по сему.

Он подошел к колоде у крыльца, выхватил тяжелый колун и одним сокрушительным махом расколол березовый кряж пополам, вогнав сталь в плаху:

— Сегодня займусь твоим железным конем — меньше недели на переборку и промывку не уйдет, там гидроудар и эмульсия. А завтра засветло дам тебе этот самый колун. Научишься пластать лиственницу — а к сумеркам истоплю кедровую баню по-чёрному, чтобы речной хлад окончательно выгнать. Станешь настоящей хозяйкой Саян. Договорились?

— Договорились, — улыбнулась я, чувствуя, как внутри разгорается огонь новой, настоящей жизни.

Городская беглянка осталась в прошлом на перекате реки.

Начиналась битва за мой новый дом.

Глава 3. Мозолистый колун

Открыв глаза на рассвете, я по многолетней столичной привычке машинально шарахнула рукой по бревенчатой стене у изголовья, ища смартфон. Сердце заранее сжалось в привычный комок в ожидании десятков пропущенных звонков от рассерженных инвесторов, ядовитых сообщений в корпоративных чатах и утренних сводок отеля. Но пальцы наткнулись лишь на шершавое, теплое кедровое бревно, покрытое золотистыми, пахнущими смолой наплывами.

Мой телефон утонул позавчера в речном омуте Тайжанки. В бревенчатых стенах стояла первозданная, густая тишина, прерываемая лишь сухим потрескиванием остывающей печи да легким сонным дыханием лежащей у порога лайки. Я откинулась на холщовую подушку, набитую душистым луговым сеном, и сделала первый за долгие месяцы глубокий вдох, до самого дна легких. Воздух в горнице пах сухим чабрецом, зверобоем, печной золой и березовым дымом. Напряжение, сжимавшее грудь последние полгода, ослабло. Я вытянулась на полатах, впервые встречая утро без спешки.

Опустив босые ноги на струганные лиственничные половицы, я ощутила бодрящую утреннюю прохладу дерева. У дверей на кованом гвозде висел массивный старинный ручной мойник из темной меди. Родниковая вода холодила ладони. Мышцы спины и плеч ныли после борьбы на реке. Я плесну-

ла студеной водой себе в лицо и потеряла щеки жестким конопляным полотенцем. Сонная ломота слетела в один миг: кожа вспыхнула румянцем, кровь весело застучала в висках, а тело наполнилось чистой, упругой силой.

Завернувшись в просторную фланелевую рубаху Родиона, достававшую мне почти до колен, я вышла в трапезную. Хотелось отблагодарить хозяина делом: заметив у печи берестяной короб, я взялась за ручку, намереваясь натаскать лучины для самовара. Но в дверях бесшумно вырос сам хозяин усадьбы. Родион был в одной распахнутой на мощной груди холщовой косоворотке; от его широченных плеч на морозном сквозняке валил густой пар. Он мягко перехватил у меня корзину, с улыбкой качнув светлой русой головой:

— Не бабье дело до рассвета чушки ворочать. Сядь к печи, Лизавета.

Я послушно опустилась на липовую скамью, ожидая обычного сурового таёжного пайка — сухарей или вчерашней холодной ухи. Но богатырь взял ухват и ловко выкатил из жаркого жерла печи тяжелый чугунок. В нос ударил упоительный, сводящий с ума дух томленной пшенной каши на жирном козьем молоке, щедро сдобренной золотистым топленым маслом и цельными сладкими ядрами кедровых орехов. Рядом опустился берестяной туесок с горячими, пышущими жаром ржаными шаньгами и плоска янтарного цветочного меда. Этот могучий лесной богатырь поднялся за два часа до зари, чтобы протопить печь и приготовить горя-

чий завтрак специально для меня. Слезы благодарности защипали в уголках глаз; я взяла расписную деревянную ложку и ела с такой жадностью и блаженством, словно это был лучший царский пир в моей жизни.

Покончив с кашей, я достала из чехла свой уцелевший планшет, намереваясь по привычке набросать почасовой регламент дня и график работ. Но широкая, покрытая мозолями ладонь Родиона мягко легла поверх сенсорного экрана, закрывая стекло:

— В тайге часов не носят, Лиза. Солнце взошло — работай на совесть, солнце село — люби да отдыхай. Оставь железку, земля суеты не терпит.

Мои городские ботильоны у печи высохли и покоробились: жесткая замша давила на подъем. Увидев это, Родион опустился передо мной на одно колено, достал из кованого сундука мягкие сапожки из промасленной юфти на толстом войлочном чулке, сшитые местным мастером Матвеем, и бережно обул мои ноги, подвернув шерстяные носки. Ногам стало невероятно мягко, сухо и тепло, словно я ступила в пушистый мох.

Мы вышли на высокое крыльцо. Густой белый туман, похожий на парное молоко, стелился над гладью озера Глубокое. Родион встал рядом со мной на дощатых сходнях, плечом к плечу, и указал на вспыхнувший багрянцем восток:

— Гляди, Лизанька. Сейчас туман сойдет — тайга золотом заиграет. День предстоит тяжелый, но чистый.

От крыльца мы спустились к колоде.

Дровяной двор пах свежей смолистой щепой, морозным воздухом и прелой листвой. На широкой колоде высились мерзлые лиственничные кряжи толщиной в два обхвата. Я решительно шагнула вперед, взялась обеими руками за длинное ясеновое топорище тяжелого стального колуна и занесла его над полено.

Четырехкилограммовая кованая сталь свинцовой тяжестью вывернула непривычные кисти. Удар пришелся вскользь: лезвие с противным металлическим визгом отскочило от оледенелой коры, едва не задев голенище моего юфтевого сапога. Отшатнувшись, я упрямо перехватила топорище ближе к комлю и со всего размаха опустила лезвие повторно. Колун вошел в витую, просмоленную древесину на пару сантиметров и застрял намертво.

Я навалилась на рукоять всем весом тела, раскачивая ее из стороны в сторону, упиралась коленом в торец пня, но лиственница сомкнула свои волокна железным мертвым капканом. Пальцы соскальзывали, ладони жгло огнем, а в глазах от бессильной досады закипели злые слезы.

Родион подошел широким шагом, намереваясь перехватить инструмент.

— Не трогай! — выдохнула я, упрямо сжимая топорище.
— Я сама! Я смогу, дай попробовать!

Богатырь тепло усмехнулся в усы, покачал головой и вместо того, чтобы отобрать топор, сделал шаг вперед и встал

вплотную за моей спиной.

Я мгновенно оказалась в кольце его надежной мужской мощи. Его широкие плечи заслонили меня от холодного ветра, а от его груди сквозь тонкую холщовую ткань веяло сухим жаром русской печи. Огромные горячие ладони Родиона легли поверх моих онемевших пальцев на ясеневом топорище. От этой пьянящей близости, от запаха чистого пота, кедровой коры и дикой первозданной силы по спине побежали сладкие мурашки, а сердце бешено заколотилось в горле.

— Не борись со мной, Лиза. И с деревом не борись, — пророкотал его бархатный голос у самого моего виска, обжигая щеку дыханием. — В тайге силой не берут — берут ладом. Поймай вес топора. Вдохни мороз... на выдохе подними вверх... и просто отпусти сталь в свободное падение. Она сама расколется.

Родион раскачал застрявшее лезвие и вытащил его из полена. Я перестала упрямиться и доверилась его рукам. Мы взмахнули колуном в едином, безупречно плавном ритме. В верхней точке замаха Родион отпустил мои кисти, и я лишь направила падающую тяжесть точно в сердцевину мерзлого кряжа.

Звонкий выстрел расколотого дерева эхом раскатился по зеркалу озера! Лиственничный комль с оглушительным треском разлетелся надвое, взметнув веер янтарной щепы и обнажив смолистую, пахнущую хвоей плоть.

— Вот так, хозяйка! — рассмеялся Родион, отступая на

шаг и глядя на меня с неприкрытым восторгом. — А теперь сама попробуй.

Я накатила на колоду следующий чурбак. Ноги на ширине плеч, глубокий вдох, плавный подъем — и резкий выдох с падением стали. Полено послушно распалось на аккуратные ровные плахи. Усталость жгла плечи, но внутри бурлил чистейший, опьяняющий восторг победы над непокорной стихией.

Когда я принялась складывать поленницу у сарая, Родион заметил содранную кожу на моих ладонях, перепачканных липкой смолой. Он бережно остановил меня, усадил на сухой чурбак и достал туесок с барсучьим салом. Его шершавые, жесткие пальцы с поразительной нежностью втерли целебную мазь в каждую ссадину, снимая жгучую боль. Я смотрела на его сосредоточенное лицо, на ясный разлет бровей и понимала, что эта простая забота дороже всех пустых обещаний и красивых слов моей прошлой жизни.

С дровяного двора меня позвали в поварню.

В просторной бревенчатой поварне стоял густой, аппетитный пар. У закопченной кирпичной печи хлопотала пожилая дородная женщина в широком переднике — тетя Марфа, бессменная стряпуха артели. Увидев меня на пороге, она окинула мою фигуру колючим, недоверчивым взглядом из-под насупленных седых бровей:

— Явилась, барыня? Только чешую на свои городские штаны соберешь да благородную рыбу переведешь.

Я молча закатала рукава фланелевой рубахи, повязала чистый льняной рушник и взяла с разделочной доски тяжелый зазубренный нож. Подойдя к оцинкованному корыту, где серебрились тушки утреннего улова, я принялась чистить крупного озерного сига. Чешуя брызгала веером, ледяная слизь морозила пальцы, но я работала быстро и сноровисто, вспоминая уроки студенческих байдарочных походов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.